siffle en public et c'est bien desagréable. Il n'y a que Micoulin qui ait pris pour sa devise.[23]

Plus on me siffle plus j'ecris.

L'amitié est indulgente, mon cher amis, mais le public est sévère; les faux talents peuvent l'éblouir, mais tôt ou tard il les réduit à leur just valeur. Témoin Denis le tiran: de toute sa réputation il ne lui reste que ses lunettes. Mais après avoir fait des essais aussis heureux dans un genre où Lafontaine seul a exellé, poursuivez, ne nous privez pas du plaisir de vous lire.[24] Vous series, cher ami, criminel de lèze littérature.*

Я не льщу тебе; ты знаешь, что это не мой обычай.

Я лестью моего пера не отравлял.

Моя искренность, может быть, навлекла мне несколько неприятелей, но лесть никогда не приобретала мне друга.

Скажу тебе, любезный мой Дмитрий Иванович, что приближается день,

---

* Весьма трудно, любезный друг, войти в тот храм, о котором говорит г-н Вольтер в известной главе «Девственницы», даже если я и наделен всеми талантами, кои ты мне напрасно приписываешь. Перечитай эту песнь, и ты поймешь, какое множество людей сломали себе шею, карабкаясь к подножью богини. Моя маленькая безделка, которой ты расточаешь столько похвал, уготовила бы мне ту же судьбу, если бы внушила мне намерение пуститься в такое путешествие. Впрочем, ты знаешь, дорогой друг, что я не из тех, кто восклицает:

О, слава! О, всемогущая богиня, смилостивься,
поговори немного о нас.

Песенка не основание считать себя вправе скучить публике длинными сочинениями; и конечно, не такому ленивцу, как я, преодолеть препятствия на пути к истинной славе, да и точно ли достигнем мы своей цели? а успех пробившегося вперед стоит ли его трудов? Ночные бдения и этот дым, который именуют известностью, только создали врагов множеству великих людей (себя я не отношу к их числу; для этого я слишком ими восхищаюсь). Будем жить для себя, ежели не можем жить для других. Сколько людей берутся учить или по крайней мере смешить род человеческий! (иные добиваются успеха в этом последнем, но в ущерб себе). Возможно, у меня есть некоторые способности. Но опасно создавать возвышенное только для того, чтобы угодить друзьям. Часто нам рукоплещет общество, а публика нас освистывает, и это весьма неприятно. Один Микулин взял себе это за правило.

Чем больше я пишу, тем больше меня освистывают.

Дружба снисходительна, мой любезный друг, публика строга; фальшивые дарования могут ввести ее в заблуждение, но рано или поздно их низводят до действительной цены. Подтверждение — Денис-тиран: изо всей его известности не останется ничего, кроме его очков. Однако после того, как появился столь счастливый опыт в жанре, в котором блистателен один Лафонтен, продолжай, чтобы не лишить нас удовольствия читать тебя. Ты будешь, любезный друг, преступником перед литературой.